

Лондон Джек

**Полное собрание сочинений Джэк
Лондон**

Том 22

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
Д40

Д40 **Джек Л.**
Полное собрание сочинений Джэк Лондон: Том 22 / Лондон Джек – М.: Книга по Требо-
ванию, 2024. – 260 с.

ISBN 978-5-519-93881-5

ISBN 978-5-519-93881-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ДЖЭКЪ ЛОНДОНЪ.
ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ.
(Авторизованное изданіе.)

Томъ XXII.

ХМЕЛЬНОЕ

(Алкогольныя воспоминанія.)

Романъ

Авторизованный переводъ съ англійскаго Г. А. Маевскаго

— О —

Изд. Г. А. МАЕВСКАГО.
МОСКВА — 1916.

Москва.—1916.
ТИПОГРАФІЯ В. М. САБЛИНА.
Петровка, д. 26. Тел. 1-31-34.

Хмельное.

Глава I.

Былъ день выборовъ. Я спустился съ своей ффермы въ Лушнюю Долину, и отправился въ деревню, чтобы подать свой голосъ по цѣлому ряду добавленій къ конституціи Штата Калифорнія. Было жарко, и потому я нѣскольکو разъ въшилъ и до и послѣ голосованія. Затѣмъ я поѣхалъ обратно, и пріѣхалъ домой какъ разъ къ ужину, передъ которымъ полагалось снова выпить.

— Какъ вы голосовали по вопросу о предоставленіи избирательныхъ правъ женщинамъ?—спросила меня Чарміанъ.

— Конечно «за»!

Чарміанъ посмотрѣла на меня съ изумленіемъ, Ибо, я долженъ сказать, что въ свои болѣе юные годы, несмотря на свой пылкій демократизмъ, я нечувствовалъ предоставленію избирательныхъ правъ женщинамъ. Впослѣдствіи я сталъ болѣе терпимымъ, и примирился съ неизбѣжностью этого соціальнаго явленія, но все таки относился къ нему безъ всякаго энтузіазма.

— Я не понимаю, почему вы, собственно, голосовали «за»...—проговорила Чарміанъ.

Я отвѣтилъ; отвѣтилъ подробно, съ большимъ чувствомъ. Чѣмъ больше я объяснялъ, тѣмъ сильнѣе разгорались во мнѣ чувства. (Нѣтъ, я вовсе не былъ пьянъ. Я пріѣхалъ на жеребцѣ, который недаромъ посланъ для «Разбойника». Хотѣлъ бы я видѣть пьянаго верхомъ на этомъ жеребцѣ! .

Я не былъ пьянъ... я въ то же время... какъ бы это сказать? я былъ въ нѣсколько приподнятомъ настроеніи, мнѣ «было хорошо», я былъ пріятно возбужденъ.

— Когда женщины получаютъ избирательныя права, онѣ будутъ голосовать за запрещеніе торговли спиртными напитками,—сказалъ я.—Только женщины, только жены, сестры и матери сумѣютъ навѣки уничтожить Хмельное...

— А мнѣ всегда казалось, что вы далеко не врагъ Хмельного,—замѣтила Чарміанъ.

— Да, я былъ съ нимъ друженъ. Но теперь я ему врагъ... Нѣтъ, я всегда былъ его врагомъ! Я его ненавижу, но особенно ненавижу его, когда онъ ходитъ со мною, когда со стороны **кажется**, что мы съ нимъ друзья. Оно лживо. Оно искренно. **Въ** его компаніи человѣку кажется, будто онъ ходитъ по небсамъ; но оно же—вѣрный союзникъ дьявола. Оно ведетъ къ голой истинѣ, но и къ смерти. Оно даетъ ясновидѣніе, но оно же даетъ и туманные сны. Оно—врагъ жизни, оно—учитель мудрости, раскрывающій передъ нами невѣдомыя дали. Оно—убійца и, прежде всего, убійца дѣтей...

Чарміанъ не спускала съ меня глазъ, и я зналъ, что она спрашиваетъ себя: гдѣ это онъ такъ нагрузился?

Я продолжалъ говорить. Я былъ въ ударѣ. Въ моемъ мозгу каждая мысль была на своемъ мѣстѣ, каждая си-

дѣла въ своей клѣточкѣ, прижавшись за ея дверью, какъ арестантъ, ожидающій сигнала для бѣгства. И каждая мысль была ясна, ярка, опредѣленна. Мой умъ былъ освѣщенъ яснымъ, бѣлымъ свѣтомъ алкоголя. Хмельное было въ эту минуту расположено къ правдивымъ признаніямъ, и охотно выдавало свои сокровеннѣйшія тайны—и я былъ его ораторомъ. Въ моемъ умѣ стройно, какъ солдаты на смотру, вытянулись тыщи воспоминаній моего прошлаго—и я могъ выбирать любое изъ нихъ. Я былъ владыкой своего ума, и мои слова легко и свободно опредѣляли какъ разъ то, что я хотѣлъ сказать. Хмельное было въ эту минуту расположено къ правдивымъ стряетъ умъ, шепчетъ роковыя интуиціи правды, устилаетъ монотонный путь жизни обрывками ярко-краснаго ковра...

Я говорилъ Чарміанъ о своей жизни, объяснялъ ей, что я отнюдь не алкоголикъ по природѣ. Я не наследственный алкоголикъ, и во мнѣ нѣтъ органическаго предрасположенія къ алкоголю. Я—человѣкъ совершенно нормальный и влеченіе къ алкоголю приобрѣтено мною въ жизни. Приобрѣталъ я его съ большимъ трудомъ. Къ алкоголю у чувствовалъ такое же отвращеніе, какъ къ слабительному. Я даже теперь не люблю его вкуса. Я пью его только за его «искорку»; но съ пятилѣтняго и до двадцатипятилѣтняго возраста, я не цѣнилъ его даже за эту «искорку». Потребовалось двадцать лѣтъ пвольнаго приспособленія, чтобы хоть сколько нибудь примирить мой организмъ съ алкоголемъ и чтобы, въ концѣ концовъ, привить мнѣ влеченіе къ нему.

Я рассказалъ о своихъ первыхъ знакомствахъ съ алко-

големъ, о своихъ первыхъ опьяненіяхъ и отказахъ отъ него, безпрестанно подчеркивая то обстоятельство, которое, въ концѣ концовъ, побѣдило меня—доступность алкоголя. Не только оно было всегда доступно, но и всѣ мои жизненные интересы толкали меня къ нему. Когда я былъ уличнымъ разпосчикомъ газетъ, когда я былъ матросомъ, рудокопомъ, когда бродилъ по чужимъ землямъ—всегда и всюду, если люди сходились, чтобы обмѣняться мыслями, чтобы посмѣяться, чтобы предпринять что нибудь, чтобы отдохнуть, чтобы забыться отъ оупляющаго труда, то посредникомъ между ними неизмѣнно являлся алкоголь. Обычнымъ сборнымъ пунктомъ бывало питейное заведеніе; мы собирались въ немъ, какъ первобытные люди собирались вокругъ костра, пылавшаго передъ ихъ пещерой.

Я напомнилъ Чарманъ о священныхъ хижинахъ на островахъ Тихаго Океана, въ которыя се не пускали и въ которыхъ курчавые плодоѣды, спасаясь отъ своихъ женщинъ, пировали и пили на полную свободу, такъ какъ это священное мѣсто было для женщинъ *табу* подѣ страхомъ смертной казни. *) Когда я былъ юношей, я убѣгалъ отъ женской узости въ питейное заведеніе—въ вольный и широкій міръ мужчинъ. Всѣ пути вели въ кабаки. Тысячи дорогъ романтизма и приключенія сходились въ кабаки и, исходя оттуда, вели во всѣ концы міра.

— Только доступность алкоголя привила мнѣ любовь къ нему. Я былъ къ нему равнодушенъ, я смѣялся надъ нимъ—и въ концѣ концовъ, мною все таки овладѣло влеченіе пьяницы. Потребовалось цѣлыхъ двадцать лѣтъ,

чтобы внушить мнѣ это влеченіе, а затѣмъ цѣлыхъ десять лѣтъ оно во мнѣ укрѣплялось и развивалось. Между тѣмъ, удовлетвореніе этого влеченія отнюдь не даетъ пріятныхъ результатовъ. По своему темпераменту, я человѣкъ жизнерадостный; алкоголь же даетъ мнѣ всѣ проклятыя мученія интеллектуальнаго пессимизма. —Такъ закончилъ я свою тираду, но тотчасъ же поспѣшилъ прибавить (а это всегда слѣдуетъ прибавить): —Однако, надо отдать Хмельному справедливость: оно, дѣйствительно, правдиво. Въ этомъ-то и заключается его сила. Такъ называемыя «правды жизни» — не правды; ими жизнь живетъ, а Хмельное снимаетъ съ нихъ маски.

— Что нисколько не способствуетъ жизни, — замѣтила Чарміанъ.

— Совершенно вѣрно. А въ этомъ-то и заключается его проклятіе! Хмельное ведетъ къ смерти, вотъ почему я сегодня голосовалъ противъ него. Мнѣ вспомнилась вся моя жизнь, вспомнилось, какъ доступность алкоголя привила мнѣ вкусъ къ нему. Вѣдь, чрезвычайно немногіе рождаются алкоголиками, т.-е., съ непреодолимымъ влеченіемъ къ алкоголю; огромное же большинство людей пьющихъ рождается не только безъ влеченія къ алкоголю, но даже съ отвращеніемъ къ нему. Ни первалъ, ни двадцатая, ни даже сотая рюмка не прививаетъ имъ вкуса къ нему. Но люди приучаютъ себя къ алкоголю, какъ приучаютъ себя къ куренію табака; но только научиться курить гораздо легче, чѣмъ научиться пить. Къ алкоголю привыкаютъ потому, что онъ такъ доступенъ. Женщины это отлично знаютъ; онѣ научились этому на собственной спитѣ, въ качествѣ женъ, сестеръ и матерей; и когда женщинамъ

будетъ предоставлено право голоса, онѣ будутъ голосовать за его запрещеніе. Такимъ образомъ, слѣдующее поколѣніе, не зная алкоголя и не имѣя предрасположенія къ нему, не будетъ мучиваться ни малѣйшаго лишенія отъ его отсутствія. Это будетъ лучше и для мужского поколѣнія, жизнь котораго станетъ болѣе содержательной и болѣе полной, и для женскаго поколѣнія, которому придется жить съ новыми мужчинами.

— Почему бы вамъ не написать что-нибудь на эту тему?—спросила Чарміанъ.

— Да, написать... «воспоминанія алкоголика»—насмѣшливо сказалъ я, или, вѣрнѣе не я, а Хмельное; ибо всѣ эти милыя филантропическія рѣчи говорилъ не я одинъ—оно мнѣ помогало, и не я, а оно вдругъ обратило улыбку въ насмѣшку: это, вообще, одна изъ самыхъ обыкновенныхъ его штукъ.

— Пить, зачѣмъ,—отвѣчала Чарміанъ, по-женски не обращая вниманія на насмѣшку Хмельного.—Вы, вѣдь, не настоящій алкоголикъ, вы только «пьющій», но только вы давно и близко знакомы съ Хмельнымъ. Опишите это знакомство, и озаглавьте свое описаніе «Алкогольныя воспоминанія».

ГЛАВА II.

Но прежде, чѣмъ приступить къ дѣлу, я долженъ попросить читателя отнестись ко мнѣ со всевозможнымъ сочувствіемъ; а такъ какъ сочувствіе **вызывается** лишь пониманіемъ, то постарайтесь, читатель понять меня, по-

нять, о комъ и о чемъ я пишу. Прежде всего, я вовсе не закоренѣлый пьяница. У меня нѣтъ органическаго предрасположенія къ алкоголю. Я не глупецъ и не животное. Все, что касается Хмельного, знакомо мнѣ отъ альфы до омеги, и, когда я пью, я отлично умѣю держать себя въ рукахъ. Меня никогда не приходится укладывать въ постель, и я даже не спатаюсь. Словомъ, я совершенно нормальный средній человѣкъ, и я пью совершенно нормально, какъ пьютъ всѣ. И я собираюсь писать именно о вліяніи алкоголя на нормальнаго, средняго человѣка. У меня абсолютно нечего сказать о настоящихъ алкоголикахъ—категоріи совершенно ничтожной по своей малочисленности.

Пьющихъ можно раздѣлить на двѣ категоріи. Первая состоитъ, какъ это всѣмъ извѣстно, изъ людей недалекихъ, лишенныхъ воображенія, умъ которыхъ слабо реагируетъ на пары алкоголя; ходятъ эти люди неровной, шатающейся походкой, перѣдко попадая въ канаву; въ концѣ своего алкогольнаго экстаза они видятъ голубыхъ мышей и розовыхъ слоновъ. Этотъ именно типъ является любимой мишенью для безкончныхъ и всѣмъ извѣстныхъ остротъ юмористическихъ журналовъ.

Пьющій второго типа одаренъ воображеніемъ. У него бываютъ видѣнія. Онъ ходитъ прямо, совершенно естественной походкой, даже когда у него сильно шумитъ въ головѣ; онъ никогда не шатается и, конечно, не валится съ ногъ, и отлично сознаетъ, гдѣ онъ находится и что дѣлаетъ. Пьяно но его тѣло, а его мозгъ. Отъ него либо такъ и брызжетъ остроуміемъ, и онъ превосходящій товарищъ, либо же ему представляются ип-

теллектуальные призраки и фантомы, вполне космическіе и логическіе по своему характеру, принимающіе формы силлогизмовъ. Когда онъ находится въ такомъ состояніи, онъ лепестокъ за лепесткомъ срываетъ съ жизни самыя здоровыя ея иллюзіи, и мрачно созерцаетъ желѣзное кольцо необходимости, надѣтое на шею его души. Это—апогей власти Хмельного. Всякій можетъ допить до того, чтобы свалиться въ канаву—это дѣло петрудное и вполне общедоступное. Но страшно, когда человѣкъ крѣпко стоитъ на ногахъ, не шатается, и спокойно рѣшаетъ, что для него есть только одинъ видъ настоящей свободы—приблизить день своей смерти. Это—моментъ бѣлой логики, (о ней я скажу подобнѣе ниже), когда человѣкъ знаетъ, что его сознанію доступны лишь законы вещей, но что ему никогда не познать ихъ значенія. Это опасная минута. Въ эту минуту человѣкъ вступаетъ на тотъ путь, который ведетъ напрямикъ къ могилѣ.

Ему все ясно. Онъ знаетъ, что всѣ стремленія проникнуть въ загадки безсмертія—лишь паническій страхъ смерти, усугубленный проклятымъ человѣческимъ даромъ воображенія; онъ знаетъ, что у этихъ людей нѣтъ инстинкта смерти; что они не хотятъ умереть, всячески стараются уйти отъ смерти, и сознательно обольщаютъ себя надеждой, что имъ удастся обмануть смерть и продолжить жизнь по ту сторону могилы, представляя окончательное исчезновеніе и разложеніе въ удѣлъ лишь низшимъ животнымъ. Но онъ въ моментъ бѣлой логики знаетъ, что люди лишь обманываютъ себя. Смерть для всѣхъ одинакова. Онъ знаетъ, откуда взлзась эта утѣха малодушныхъ—безсмертіе; знаетъ, что онъ состоитъ изъ